

«Остравский язык» в нарративе травелога

Изотов Андрей Иванович

Доктор филологических наук, доцент, профессор

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Российская
Федерация

E-mail: a.i.izotov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6985-7000

Цитирование

Изотов А. И. «Остравский язык» в нарративе травелога // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 185–204. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.09

Статья поступила в редакцию 13.07.2023.

Рецензирование завершено 16.02.2024.

Статья принята к публикации 12.03.2024.

Аннотация

Статья посвящена славянскому микроязыку, формируемому говорами жителей чешской Силезии и способному вступать на территории региона в отношения, близкие диглоссным, с литературным чешским языком (*spisovná čeština*), тогда как на большей части Чешской республики в подобные отношения с чешским литературным языком вступает идиом *obecná čeština*, обозначаемый в отечественной традиции как «обиходно-разговорный чешский язык». В результате анализа языка современного травелога Л. Ветвички “S Jarkem po sto rokach okolo Rakuska-Uherska” (2019), представляющего пример удачного симбиоза южных говоров чешской Силезии, литературного чешского языка и отчасти обиходно-разговорного чешского языка, делается вывод, что так называемый «остравский» (= ляшский = чешско-силезский) микроязык является динамично развивающимся образованием, функционирование которого отнюдь не ограничивается устной речью. Появление в печатном виде и онлайн подобных рассмотренному ярких художественных и художественно-публицистических текстов, с одной стороны, разрушает исторически сложившуюся на территории региона диглоссию, так как нелитературный идиом проникает в позицию

литературного, с другой – усиливает позиции «остравского» (= ляхского = чешско-силезского) микроязыка, который звучит в сознании читателя всякий раз, когда читаются тексты на нем.

Ключевые слова

Славянские микроязыки, чешская Силезия, ляхский язык, литературный чешский язык, обиходно-разговорный чешский язык, диглоссия.

1. Характерной особенностью современной чешской языковой ситуации является ее близость к описанной Ч. Фергюсоном¹ классической ситуации диглоссии как особого варианта двуязычия, при котором на одной и той же территории в одном и том же социуме сосуществуют два идиома («высокий» и «низкий»), применяемые их носителями в различных функциональных сферах².

На большей части современной Чешской республики (западные две трети ее территории) в качестве такого «высокого» идиома выступает литературный чешский язык (*spisovná čeština*), а в качестве «низкого» идиома – собственно чешское обиходно-разговорное койне, традиционно обозначаемое в чешской лингвистической традиции как *obecná čeština*, а в традиции отечественной – как обиходно-разговорный чешский язык.

Одной из причин того, что данная не очень нравящаяся многим чехам ситуация, при которой, как остроумно выразились авторы научного бестселлера «Чешский язык без прикрас» П. Сталл и И. Гронек, «у литературного чешского языка нет естественных носителей»³, а чешским школьникам приходится зубрить парадигмы вроде бы как своего родного литературного языка (как если бы у нас в России в качестве русского литературного языка функционировал церковнославянский), не может быть разрешена простой кодификацией «обиходно-разговорного чешского языка», является

¹ Ferguson Ch. Diglossia // Language and Social Structures. London, 1972. P. 232–251.

² Об отношении современной чешской языковой ситуации к классической диглоссии Ч. Фергюсона см., например: *Bermel N. O tzv. české diglosii // Slovo a Slovesnost. 2010. No 1. S. 5–30.*

³ Букв. *spisovná čeština nemá své rodilé mluvčí*, см.: *Sgall P., Hronek J. Čeština bez příkras. Praha, 1992. S. 26.*

то обстоятельство, что он не покрывает всей территории Чехии, хотя и проявляет определенную тенденцию к экспансии за пределы собственно чешских говоров. В Моравии и в чешской Силезии литературный чешский язык способен вступать в диглосные отношения с местными диалектными образованиями.

2. В частности, в чешской Силезии речь идет о нелитературном идиоме, который, бесспорно являясь частью чешского языкового континуума⁴, занимает пространство явного пересечения континуумов чешского, польского и моравско-словацкого (= «восточно моравского»). С польским ареалом его сближает (противопоставляя чешскому и моравско-словацкому ареалам), в частности, отсутствие фонологической долготы гласных и ударение на втором от конца (а не на первом от начала) слоге, с ареалом чешским – наличие <ř>, с ареалом моравско-словацким – неперегласованные окончания в словах с основой на мягкий согласный и т. д.

2.1. Этот идиом, не совпадающий с «силезским» микроязыком Силезии польской (чешск. *slezština*, пол. *język śląski*, нем. *Wasserpölnisch*), отражен во многих стихах номинанта на Нобелевскую премию по литературе 1970 г. Ондры Лысогорского⁵. На большей части Силезии этот идиом известен как «моравский язык» (*moravština*), в Моравии и в части чешской Силезии – как «силезский язык» (*slezština*) или «пруссский язык» (*prajžština / prajžština*; аннексированная в 1742 г. Фридрихом

4 Под языковым континуумом мы понимаем не красиво раскрашенные фрагменты учебной диалектной карты с четкими границами, а совокупность всех идиомов (включая идиолекты) того или иного языкового образования независимо от официального статуса этого образования (поэтому мы говорим не только о чешском или польском континуумах, но также и о континуумах ляшском или моравско-словацком = восточно-моравском). Подобно математическим множествам, языковые континуумы могут пересекаться или входить один в другой. В случае же графического представления данных континуумов следует учитывать и количественные параметры, поэтому «ляшский» пиксель переехавшего в Прагу уроженца Остравы (и носителя «ляшского» идиолекта) на такой карте будет незаметен среди миллиона пикселей (идиолектов) прочих жителей чешской столицы, тогда как в окрестностях Остравы эти «ляшские» пиксели будут в большинстве.

5 Подробнее см.: Дуличенко А. Д. Литературная лянштина Ондры Лысогорского в контексте западнославянских языков и в связи с литературными микроязыками современной Славии // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. М., 1993. С. 151–161.

Великим северная часть Силезии получила у ее жителей и их соседей название «прусская», в отличие от оставшейся в составе Священной Римской империи «имперской» части), сами же носители данного идиома полагают, что они говорят просто «по-нашему»⁶.

2.2. В академической литературе в связи с данной территорией говорят о силезской (ляшской) группе чешских говоров, противопоставленной группе собственно чешских говоров, группе центрально-моравских (= ганацких) чешских говоров и группе восточноморавских (= моравско-словацких) чешских говоров⁷. Эти ляшские (= чешско-силезские) говоры распадаются, в свою очередь, на южную (моравскую), западную (опавскую) и восточную (остравскую) подгруппы⁸.

3. На последующих страницах мы попытаемся определить, как данные говоры чешской Силезии отразились в нарративе травелога “S Jarkem po sto rokach okolo Rakuska-Uherska”⁹.

Употребляемые автором травелога «остравские» слова, словосочетания и конструкции рассматривались нами на фоне литературного чешского языка, а также некоего общечешского дискурса, формируемого текстами Чешского национального корпуса и прежде всего текстами 5-миллиардного референтного репрезентативного корпуса современных чешских письменных текстов SYN_v.11¹⁰.

Автор травелога характеризует себя как «остравского парня, который родился в Фифейде [район города Острава] в Чехословакии» (*ostravsky cyp*¹¹, *se narodil na Fifejdach v Československu*), а язык,

6 Букв. *po našemu*, см.: *Skalička V. Opravština pro samouky. Štěbořice, 2017. S. 6.*

7 См.: *Bělič J. Nástin české dialektologie. Praha, 1972. S. 217–306.*

8 Подробнее см. *Изотов А. И. Чешская диалектология. М., 2022.*

9 Этот травелог, как и другие книги Л. Ветвички, можно заказать на сайте <https://eshop.knihuchran.cz/>.

10 См.: <https://korpus.cz/> (дата обращения: 04.03.2024). В чешской словесности представлена традиция использования диалектной речи в художественных и публицистических произведениях, включая текст повествователя, см.: *Изотов А. И. Диалект в чешском художественном тексте // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2015. № 3 (15). С. 115–126.*

11 В «Словаре нелитературного чешского языка» слово **суп** приводится с пометой *ostrav.* ‘остравский регион’ и интерпретируется как **1.** *hlupák, někdy však bez podtextu v podobném postavení jako “týpek” apod. ‘Простофиля, иногда в значении тинаж, парень’ **2.** *vulg. mužské přirození. ‘вульг. Мужской половой орган’*. **3.** *jako суп nespécifické hodnocení**

на котором он пишет, как «остравский» (*Tuž ale řekněte mi, čemu by mi byl stoletý věk, když všeci okolo mě budu mrtví a ja bysem měl psat pro ty mlade, keři už ani nerozumi Ostravsky?* [Скажите, зачем мне жить сто лет, ведь тогда все вокруг меня умрут и мне придется писать для молодых, которые уже не понимают по-остравски?]).

3.1. Язык травелога близок говорам южной (моравской) подгруппы диалектов чешской Силезии, в которых, в частности, мягкие фонемы <ř>, <dʒ> реализуются в звуках без шипящего (как в западной подгруппе) или свистящего (как в восточной подгруппе) призвука.

charakteristické pro současný ostravský dialekt, analogie (dnes už nejen) brněnského “jak sviňa”. ‘**как Subj.** Неопределенная характеристика, используемая в остравском диалекте в тех же ситуациях, что и брненское (а теперь вышедшее за его пределы) «как свинья», см.: *Hugo J. Slovník nespisovné češtiny*. Praha, 2009. В рассматриваемом травелоге данная лексема встречается достаточно регулярно – в первом или третьем из приведенных значений, ср. *Kdybysem si byl byval ja **цуп** starý aspoň nechal nabit baterky do elektrokola!* [Ах если бы я, старый **дурень**, хотя бы зарядил электровелосипед!]; *Цуп z Ostravy bucha na dveře zapadleho maďarskeho penziona, v kerem nikdo dva roky nespal...* [Чудак из Остравы ломится в двери захолустного венгерского пансиона, в котором уже два года никто не ночевал...]; *Nevim, jestli si dokážete představit depresi **цупа**, kery je zpoceny, smradlavý, ma v nohach 188 kilaku...* [Не знаю, можете ли вы представить депрессию <не нашедшего обещанной гостиницы> **мужика** – потного, вонючего, проехавшего <в этот день на велосипеде> 188 км...]; *Fronta zpocených lidí čekajících ve čtyřcetistupňovém vedru, až bude do země vpuštěn jakýsík **цуп** z Ostravy, se posunula o jednu příčku...* [Очередь вспотевших на сорокаградусной жаре людей, ожидающих, пока через границу пропустят какого-то **чудака** из Остравы, продвинулась на одну позицию] // *Bylo jaro roku 2014, počasí fajne jak **цуп**, takže bylo jasné, že Vlastika najdu na terase* [Была весна 2014 года, погода чудная как сволочь, так что было ясно, что я найду Властика на террасе]; *Maly pokojíček nevadil, horší bylo, že v něm bylo horko jak **цуп*** [Маленькая комнатка <в пансионе> – это ничего, хуже было то, что там была жара как сволочь]; *Lahoda jak **цуп*** [Вкуснятина как сволочь]. Ко второму из приведенных в словаре значений отсылает нежелание повествователя ночевать в венгерском пансионе с неприлично для жителя Остравы звучащим названием: *Vlastik by určitě řekl: “Ladik, přece nebudeš spat v penzyjonu s nazvem **Цупкеš**? To je Ostravaka nedustojne!”* [Властик бы наверняка сказал: «Ладик, ты же не будешь ночевать в пансионе, который называется **Цупкеš**? Это недостойно жителя Остравы!»].

Это, а также отсутствие в данной подгруппе встречающихся в говорах западной и восточной подгрупп некоторых других звуков, например, мягких [sʰ], [zʰ], неслогового [ɟ] или назального [ɟ̃], вместо которых употребляются соответственно твердые [s], [z], [ɟ] и обычный (неназальный) [u], позволило автору использовать для записи его текста стандартный чешский алфавит без дополнительных значков. При этом потерялось различие твердого [ɟ] и мягкого [ɟ̃], актуальное для силезских говоров, но не для литературного чешского языка, в истории которого они совпали в одном альвеолярном [ɟ], однако эта потеря для смысла текстов травелога не катастрофична.

3.2. При первом же обращении к тексту травелога в глаза бросается отсутствие долгих гласных (этим говоры чешской Силезии отличаются от всех прочих чешских говоров), ср. начало книги, проясняющее историю ее замысла (слова / огласовки слов, не соответствующие требованиям чешского литературного языка, выделены полужирным):

Jak sem přišel na tu šalonu myšlenku obejit nebo objet země rakusko-uherske? Jednoduše. Četl sem knížku Jaroslava Haška “Dějiny strany mírneho pokroku v mezích zakona”, keru napsal v letech 1911–12. Je nadherna aji po sto rokach. Obsahuje hodně zajímavých míst, kde si člověk uvědomuje, že se toho na světě příliš mnoho nezměnilo [Как мне в голову пришла идея объехать земли Австро-Венгрии? Очень просто. Я читал книжку Ярослава Гашека «История партии умеренного прогресса в рамках закона», которую он написал в 1911–1912 гг. Она прекрасна и сто лет спустя. Там полно интересных мест, когда понимаешь, что за сто лет в мире немного изменилось].

Как мы видим, в абсолютном большинстве случаев речь идет об отсутствии долготы – актуальной (*knížku* вм. *knížku*) или исторической (*rakusko* вм. *Rakúsko* → *Rakousko*). Поэтому приведенный фрагмент, как и целый ряд дальнейших фрагментов травелога, может быть легко, в отличие от многих диалектных текстов, приведен в соответствие с правилами литературного чешского языка, ср.:

*Jak (sem >) jsem přišel na tu (šalonu >) šílenou myšlenku obejit nebo objet země (rakusko-uherske >) rakousko-uherské? Jednoduše. Četl (sem >) jsem (knížku >) knížku Jaroslava Haška “Dějiny strany (mírneho >) mírného pokroku v (mezích >) mezích (zakona >) zákona”, (keru >) kterou napsal v letech 1911–12. Je (nadherna >) nádherná (aji >) i po sto (rokach >) letech/rocích*¹². *Obsahuje hodně (zajímavých >) zajímavých*

12 Литературное употребление допускает оба варианта: как *po sto*

(*míst* >) *míst*, kde si člověk uvědomuje, že se toho na světě (*příliš* >) *příliš* mnoho nezměnilo.

Данное обстоятельство, по нашему мнению, делает травелога Л. Ветвички вполне понятным не только для профессионального диалектолога, но и для абсолютного большинства жителей Чехии, имеющих хотя бы самое общее представление о том, как говорят в Силезии. Поэтому потенциальная аудитория травелога – т. е. тех, кто, читая его, хотя бы пассивно осваивает «остравский» язык автора, – предельно широка.

3.3. Коль скоро речь идет о графике травелога, следует отметить непривычную для чешского литературного языка дистрибуцию букв *y* и *i*¹³, ср. *Tak to baby dneska nerobi, baby su sofistykovane* [В наше время женщины так не поступают, в наше время женщины умнее]; *Fčil byva v Tuzle, ma tam pry jakesik dyskoteky...* [Сейчас он живет в Тузле, говорят, у него там дискотека...]; *Tato slova na mě asi musela zapusobit silně depresyvně, bo sem si rezynovany sednul na betonovy rantel plotka...* [Видимо, эти слова вогнали меня в депрессию, так как я, отчаявшись, присел на бетонное ограждение]. В литературном чешском тексте эти выделенные полужирным слова выглядели бы как *sofistikované, diskotéky, depresivně, rezynovaný* соответственно.

Поскольку в говорах чешской Силезии *y* сохранилось либо в качестве самостоятельной фонемы <*y*>, не совпадающей с <*i*>, либо в качестве выразительного фонетического варианта [*y*] фонемы <*i*>, мы можем предполагать в подобных случаях отражение реального произношения этих и подобных слов.

3.4. Из десяти характерных особенностей, отмечаемых в исследовании Я. Белича¹⁴ для говоров южной (моравской) подгруппы чешской Силезии, в тексте травелога нами были отмечены следующие:

letech, так и *po sto rocích*. При этом, однако, первый вариант является основным: в SYN_u.11 сочетание *po sto letech* было нами обнаружено в 3 849 контекстах, сочетание *po sto rocích* – лишь в 5 контекстах.

13 Хотя в истории чешского литературного языка звук [*y*] совпал в произношении с [*i*], сама буква *y* (как и ее вариант для обозначения долгого гласного *ẏ*) в современной графике сохранилась, и ее употребление регулируется правилами, часть которых сводится к механическому запоминанию правописания так называемых «избранных слов» (*vyňatá / vybraná slovíčka*), ср. звучащие по-чешски одинаково слова *bít* ‘бить’ и *být* ‘быть’.

14 *Bělič J. Nástin...* S. 291–294.

3.4.1. Мягкие согласные [tʰ], [dʰ] произносятся без ассимиляции, во всяком случае, в тексте травелога эта ассимиляция не отражена, ср.: *Chvilu sem byl zticha, bo mě docela zklamal* [Минуту я молчал, совершенно им разочарованный]; *Bližil se večer, takže bylo na čase přemýšlat, kaj složit unavene tělo* [Близился вечер, так что пришло время подумать, куда поместить на отдых уставшее тело]; *Bylo nam to divne, bo u druhe kelnerky bylo pivo z te same bečky dobre* [Это было для нас странным, так как у второй официантки пиво из той же бочки было нормальное]; *V hupacim křesle seděl starý pan Madeja, kuřil viržinko a popíjal Nachmelenu opicu* [В кресле-качалке сидел старый пан Мадея, курил вирджинку и похлебывал «Захмелевшую обезьяну»¹⁵].

3.4.2. На месте исторического долгого [ē] мы находим краткий [e], ср.: *Mam rad pivko, rad poprobuju dobre vino, pokud je sladke* [Я люблю пиво, иногда с удовольствием попробую хорошего вина, если только оно сладкое]; *Haličská palenka, kyselá polevka Žurek a v ohně pečene kobzole* [Галицийская водка, кислая похлебка «журек» и запеченная в огне картошка]; *Pokud by tehdejší mocnosti musely vest valku s vlastních zdrojů a daňových prostředků, Velká válka by do pul roku skončila pro nedostatek financí* [Если бы тогдашним державам пришлось воевать за собственные средства, Большая война бы закончилась через полгода из-за нехватки денег].

3.4.3. В отличие от других силезских говоров отсутствуют рефлексы старого продления гласных в объеме большем, чем в говорах Чехии или Моравии, ср.: *V ostravské půjčovně elektrických kol sem si pořídil poslední výkřik moderní techniky, elektrické kolo* [В остравском прокате электровелосипедов я раздобыл последний писк техники – электровелосипед¹].

3.4.4. В местном падеже множественного числа всех типов склонения преобладает окончание *-ach*, ср.: *To je taká knajpa schovaná v lesách¹⁶ za Porubu, kaj se žeru tvargle a zapíjajú Radegastem* [Это такая пивная в лесах за Порубой¹⁷, где едят творожники и запивают «Радегастом»]; *Ale nič se z toho nerobte, ja pojedú s vama, a počkam vas na*

15 Название пивоварни в г. Крнов в Силезии, а также ее продукции, см. <https://www.nachmelenaopice.cz/en/> (дата обращения: 04.03.2024).

16 В соответствии с литературными вариантами в *lesích* / *v lesech*. В SYN_v.11 сочетание *v lesích* было нами обнаружено в 45 897 контекстах, сочетание *v lesech* – лишь в 110 контекстах. Сочетание *v lesach* в SYN_v.11 нами обнаружено не было.

17 Поруба – административный район города Острава.

*hranicach*¹⁸ v *jakesik fajne knajpě* [Да не переживайте, я поеду с вами и подожду вас на границе в какой-нибудь приличной пивной]; *A netušil sem, že se dostavam hlouběji do pasti vychodních zvyku, kere se mi měly v nasledujících rokach*¹⁹ *stat neodolatelny zvykem* [А я и не подозревал, что проваливаюсь в ловушку восточных обычаев, которые в следующие десять лет станут моей второй натурой]; *Naštěstí sem zjistil, že Rusini maju ve svojich malých venkovských zařízeňach*²⁰ *velice sympatycka zařízení, kere jim umožňovalo čepování piva a tak nebyl problém se v každé take zastavce příjemně občerstvit* [К счастью, я выяснил, что у русинов в их деревенских заведениях есть очень симпатичные устройства, позволяющие им наливать пиво, так что проблем освежиться на каждой остановке не было]; *Vylezl sem z teho přeplněného letadla, rozbalil kolo a po stopadesati metrach*²¹ *se ubytoval v prvním penzionu, kery byl na cestě* [Я выбрался из переполненного самолета, распаковал свой велосипед и через 150 метров заселился в первый же попавшийся мне по дороге пансион].

3.4.5. В склонении различающих род местоимений преобладают формы, окончания которых совпадают с окончаниями прилагательных, ср.:

*A tak, robice si poznamky, fotky a shromažďující materyjaly, pustil sem se do toho*²² [И так, записывая то, что пришло в голову, фото-

18 В соответствии с литературной формой *na hranicích*. В SYN_v.11 сочетание *na hranicích* было нами обнаружено в 39 148 контекстах, сочетание *na hranicach* – в одном контексте, а именно в газете “Regionální týdeník” («Региональный еженедельник»), воспроизводящей реплику пожилой женщины по поводу строгостей во время выборов: *Bóže, to je kontrola! Horší jak na hranicach* [Боже, вот это контроль! Хуже, чем у пограничников].

19 В соответствии с литературным *letech* или *rocích*. В SYN_v.11 сочетание *v následujících letech* было нами обнаружено в 24 795 контекстах, сочетание *v následujících rocích* – в 8 контекстах. Сочетание *v následujících rokach* в SYN_v.11 нами обнаружено не было.

20 В соответствии с литературной формой *v zařízeních*. В SYN_v.11 сочетание *v zařízeních* было нами обнаружено в 5 433 контекстах. Сочетание *v zařízeňach* в SYN_v.11 нами обнаружено не было.

21 В соответствии с литературной формой *metrech*. В SYN_v.11 сочетание *po stopadesáti metrech* было нами обнаружено в 7 контекстах. Сочетание *po stopadesati metrach* в SYN_v.11 нами обнаружено не было.

22 В соответствии с литературной огласовкой данного местоимения *do toho*, окончание которого не совпадает с литературным окончанием прилагательного, ср. *do hustého dýmu*.

графируя и собирая материалы, я принялся за дело]; *Pan Madeja se zamyslel, upil pivka, potahnul z viržinka, zahalil se do husteho dyma...* [Пан Мадея задумался, отпил пива, затянулся вирджинкой, закутался в густой дым...].

Rano sem se vzbudil, zežral vaječinu robenu na doma uzeneš špeku, pričkusnul k temu²³ trochu bileho chleba, sednul na kolo a valil do Tuzly [Утром я проснулся, съел яичницу на домашнем сале, добавил немного белого хлеба, сел на велосипед и покатил в Тузлу]; *Jak nas učí hystorija, je to počatek zločinu, protože dříve nebo později tento neprozřetelný postup povede k nove valce a k novému utrpení...* [Как нас учит история, это начало преступления, потому что рано или поздно этот непродуманный подход приведет к новой войне и новым страданиям].

Furt se mi to honilo hlavou, ale co ja s tym²⁴ narobim? [У меня это никак не выходило из головы, но что я могу с этим поделать?]; *Protočeny a zablaceny jak legionář před sto rokama sem dorazil do ubytování s romantickým názvem Apělsin* [Мокрый и грязный, как легионер сто лет назад, я добрался до гостиницы с романтическим названием «Апельсин»].

3.5. При этом по ряду параметров язык травелога отличается от говоров южной (моравской) подгруппы чешской Силезии в пользу собственно чешского «обычного» (= «обиходно-разговорного») и/или литературного языка.

3.5.1. Например, в то время как в говорах южной (моравской) подгруппы чешской Силезии форма инфинитива заканчивается на *t'*, например, *cyťit'*, *nosyt'*, *učyt'*²⁵, в тексте травелога, графика которого различает конечные *t* и *t'*, этот *t'* мы находим лишь в иноязычных вкраплениях, ср. русский (первый пример) и словацкий (второй пример): “*Kuda ty jeděš? Tu ně vazmožno jechat' na velocipědě!*” *vykřiknul na mě podivny muž v unyformě...* [«Ты куда поехал? Здесь нельзя на велосипеде», – крикнул мне странный человек в униформе...]; *Jediné, čo môžeme robiť, je bojkotovať ich peňažný systém, nevyužívať ho. Každý sa môže rozhodnúť, či a v akom rozsahu bude využívať služby bánk* [Единственное,

23 В соответствии с литературной огласовкой данного местоимения *k tomu*, окончание которого не совпадает с литературным окончанием прилагательного, ср. *k novému utrpení*.

24 В соответствии с литературной огласовкой данного местоимения *s tím*, окончание которого не совпадает с литературным окончанием прилагательного, ср. *s romantickým názvem*.

25 См. эти примеры в: *Bělič J. Nástin...* S. 292.

что мы можем делать, это бойкотировать их денежную систему, не использовать ее. Каждый из нас может решить, в каком объеме пользоваться услугами банка, и пользоваться ли ими вообще].

3.5.2. Далее, в говорах южной (моравской) подгруппы чешской Силезии гласный [у] заместил исторический [i] после свистящих и шипящих, а также после ř, ср.: *cytít', nosyt', zyma..., ucyt', šydlo, žyvoť, pŕykopa*²⁶. В тексте же травелога в данной позиции, как и в литературном чешском языке (а также при записи «обычного» = «обиходно-разговорного» чешского языка), последовательно употребляется буква *i*, см. следующие примеры из текста травелога с названными или же однокоренными с ними словами: *Další vyhodu je fakt, že večer se sice citíte fyzicky příjemně unaveni, ale organizmus není zdevastovaný tak po sedmdesati kilometrech překonání terenních překážek* [Еще одной выгодой является обстоятельство, что хотя вечером вы и чувствуете себя приятно утомленным физически, ваш организм отнюдь не измотан семьюдесятью километрами преодоления дорожных препятствий]; *...Do svítání budete s mužikama diskutovat nad nejnovějším politickým převratem v Burkině Faso, zatímco vám jejich roby budu nosit dobroty...* [...До рассвета вы будете с мужиками обсуждать последний государственный переворот в Буркина-Фасо, а их жены будут носить вам вкусняшки...]; *Sarajevo zažilo svoji hvězdnou hodinu v roce 1984, kdy tu proběhly zimní olympijské hry* [Звездный час Сараева был в 1984 году, когда здесь проходили зимние Олимпийские игры]; *A učit se můžete od každého národa, ať to su Rusini, Rumuni, Maďaři nebo Němci* [А учиться вы можете у любых народов, будь это русины, румыны, венгры или немцы]; *V osobním životě František moc šťastný nebyl* [В личной жизни Франц был не особенно счастлив].

Приводимые Я. Беличем слова *šydlo* и *pŕykopa*, равно как и их дериваты, в тексте травелога отсутствуют, однако примеры, содержащие сочетания *ši* и *ři*, исчисляются сотнями. Примеров, содержащих сочетание *řu*, мы не обнаружили, а сочетание *šy* было обнаружено дважды в эпизоде, когда автор, только что пересекший на велосипеде венгерско-украинскую границу, на русском языке (с использованием повоерканной обцененной лексики) жалуется на проглотивший его карту банкомат: *“Mašyna p...las,” nahlasil sem poruchu uvnitř banky. “Á, vsjo normalno,” odpověděla šefova pobočky. Vyhodila pačku jističa a když ju zas nahodila, venku se rozblíkala obrazovka a mašyna mi vratila*

kartu [«Машина кирдык», – сообщил я о поломке внутри здания банка. «А, все нормально», – ответила заведующая филиалом. Она выключила предохранитель в электрическом распределительном щитке, а когда включила его опять, снаружи засветился экран и «машина» вернула мне карту].

3.5.3. В говорах южной (моравской) подгруппы чешской Силезии в позиции творительного падежа множественного числа у существительных всех типов склонения преобладает окончание *-mi* (*-ami*)²⁷. В тексте же травелога таким преобладающим окончанием для данной позиции является совпадающее с собственно чешским «обычным» (= «обиходно-разговорным») окончанием *-ma* (*-ama*), ср.: *Fčil už bylo jasne, že se ze **synkama**²⁸ v Tokaji neuvidim* [Мне стало ясно, что с парнями в Токае я не увижусь]; *Tak to bylo stanovene Daytonskyma mirovyma **dohodama**²⁹ z roku 1995* [Так это определили Дейтонские соглашения 1995 года]; *Stači pojezdít chvílu třeba stopem, bavít se s **řidičama**³⁰ a pochopíte, že další valka bude* [Достаточно поездить немного автостопом, и вы поймете, что следующая война неизбежна]; *Slunko, sklaňající se k západu, nadherna řeka, krutíci se mezi **polama** a **lesíkama**³¹ rychle rostících maďarských stromu, prostě pohoda* [Клонящееся к западу солнышко, чудесная речка, извивающаяся среди полей и лесков стремительно растущих венгерских деревьев, просто благодать]; *Totalně demoralizovaný sem se procházel tmavým **uličkama**³² maďarského maloměsta* [Совершенно деморализованный, я бродил улочками венгерского городка].

При этом у существительных мужского рода нами зафиксированы и соответствующие литературной норме огласовки на *-y*, ср.: *Kdysik to bylo slovanské město, osídlené **Bilymi Chorvaty**, keři na břehu řeky Už vybudovali pevnost a městské sídlo* [Когда-то это был славянский город белых хорватов, построивших на берегу реки Уж крепость и городище]; *A medijální sfera, podporovaná **stejnými parazity**, jede doko-la obehrány song...* [А медиа, поддерживаемые такими же паразитами, повторяют всю ту же песню...]; *Tyto snahy však nebyly respektovány ani českými, ani slovenskými politiky...* [Однако эти усилия не были

27 Ibid.

28 В соответствии с литературной нормой *se synky*.

29 В соответствии с литературной нормой *mirovými dohodami*.

30 В соответствии с литературной нормой *s řidiči*.

31 В соответствии с литературной нормой *mezi poli a lesíky*.

32 В соответствии с литературной нормой *tmavými uličkami*.

оценены ни чешскими, ни словацкими политиками...]; ...*Po dvou naročných knihach se autor spolu se svými spolupracovníky z male “knajpy Na rožku” vrací k humoru...* [...После двух потребовавших много труда книг автор вместе со своими коллегами из небольшой пивной «На углу» вернулся к юмору...].

Заметим, однако, что у В. Скалички окончание *-mi* (*-ami*) постулируется для восточной подгруппы говоров, а для остальной их части, т. е. и для говоров южной (моравской) подгруппы чешской Силезии, – окончание *-ma* (*-ama*)³³. Так что материалы В. Скалички и Л. Ветвички независимо друг от друга могут свидетельствовать об экспансии «обычного» (= «обиходно-разговорного») чешского языка в силезский регион.

4. Значительная часть особенностей языка травелога в области морфологии связана с особенностями развития фонетической системы чешско-силезских говоров по сравнению с развитием фонетической системы говоров собственно чешских.

4.1. Наиболее частыми, а значит и наиболее заметными являются количественные случаи расхождения результатов развития собственно чешских говоров и говоров чешско-силезских, с которыми могут быть связаны и расхождения качественные, ср. пример из самого начала травелога, в котором абсолютное большинство несовпадений с литературным узусом (восемь из девяти³⁴) связаны именно с этим: *To si dneska možu* (лит. *můžou*) *dovolit leda tak bohači* (лит. *boháci*), *ale ti su* (лит. *jsou*) *zase tak lenivi* (лит. *leniví*) *a zhyčkani* (лит. *zhyčkaní*), *anebo uplně* (лит. *úplně*) *hlupi* (лит. *hloupi*), *že by je cosik* (лит. *cosí / něco*) *takeho* (лит. *takového*) *nenapadlo* [Это сегодня могут себе позволить разве что богачи, однако они чересчур ленивы и избалованы или же абсолютно глупы, чтобы им нечто подобное пришло в голову].

33 *Skalička V.* *Opavština...* S. 173.

34 Девятое из девяти расхождение – огласовка местоимения *cosik*, отличающаяся от огласовки литературной (*cosi* ‘нечто’) финалью *-sik*. Подобная «остравизация» местоимения в травелоге используется регулярно – в следующих за цитируемым семи предложениях она была использована пять раз (*kdosik* ‘кто-то’ – 2 раза, *cosik* ‘что-то’, *jakesik* ‘какое-то’, *jakehosik* ‘какого-то’).

И еще в одном случае помимо отсутствия долготы использована чешско-силезская огласовка местоимения *taky* ‘такой’ вместо собственно чешской огласовки того же местоимения *takový*.

Например, в истории чешского литературного языка долгий [ō], представленный в корне первого выделенного в приведенном примере слова, перешел в долгий [ū], а долгий [ū] окончания данной формы – в дифтонг [ou]. В чешско-силезских же говорах оба долгих гласных просто сократились. В результате чешской литературной парадигме модального глагола *moci* ‘мочь’ (1sg – *můžu* / *mohu*, 2sg – *můžeš*, 3sg – *může*, 1pl – *můžeme*, 2pl – *můžete*, 3pl – *můžou* / *mohou*) в идиоме травелога соответствует следующая парадигма: 1sg – *možu*, 2sg – *možeš*, 3sg – *može*, 1pl – *možeme*, 2pl – *možete*, 3pl – *možu*, ср.: “*Kde si tu **možu** vytáhnout peníze z bankomata,*” *zeptal sem se te dobře ženy bezelstně* [«Где здесь я могу снять наличные в банкомате», – напрямую спросил я эту добрую женщину]; *Mam tu nahoře ve vesnici domek po ženě, jestli chceš, **možeš** tam přespát* [У меня тут наверху в деревне домик после жены, можешь там переночевать]; “*A odkdy **može** Ukrajinec robít v Česku policistu?*” *zajímalo mě* [«А с каких пор украинец может работать в Чехии полицейским?» – заинтересовался я]; *Jak asi byli naštvani Srbove, si **možeme** představit, ale nic se s tím v tomto okamžiku nedalo robít* [Мы можем себе представить, как были возмущены сербы, однако тогда ничего нельзя было поделать]; *No fakt, to mi **možete** věřit* [Факт, мне вы можете верить]; *Ja to kura nechapu, jak **možu** ty ajrolinky ekonomicky profinancovat let za 9,9 € na osobu* [Я, блин, не понимаю, как аэрокомпании могут финансировать полеты, получая с пассажиров по 9,9 € за место].

4.2. Следующим по значимости фактором, обусловившим сразу бросающееся в глаза отличие языка травелога от чешского литературного языка, является проявившееся практически во всей системе словоизменения отсутствие в истории чешско-силезских говоров результатов перегласовок гласных в положении после мягких согласных, имевших место в собственно чешских говорах и отраженных в чешском литературном языке: ср., например, *To třeba chcete postavit **dalnicu*** (лит. *dálnici*) *do Gdaňska...* [Например, вы хотите провести шоссе в Гданьск...]; *...Blba **dalnica*** (лит. *dálnice*) *se stane takým vražedným nástrojem* [...Дурацкое шоссе станет таким смертоносным инструментом]; *Byla tam. Přesně taka, jak sem si **ju*** (лит. *ji*) *představoval. Na **kraju*** (лит. *kraji*) *prašne cesty...* [Она там была. Именно такая, какой я себе ее представлял. На обочине пыльной дороги...]; *Polak moc dobře vi, že na **koncu*** (лит. *konci*) *ide enem o to, aby host byl spokojeny...* [Поляк очень хорошо понимает, что в конечном итоге важно то, чтобы посетитель был доволен].

Сравнив приводимые В. Скаличкой парадигмы склонения существительных «опавского» (= чешско-силезского) языка³⁵, мы увидим, что приводимые там отличия окончания «мягких» типов склонения от окончаний «твердых» типов минимальны, особенно у существительных среднего рода, и нередко в основном ограничиваются различиями, унаследованными из праславянского, как у существительных женского рода: ср., например, словоизменительные парадигмы твердого и мягкого типов склонения в «опавском языке» В. Скалички (соответственно *město* ‘город’ и *mořo* ‘море’, *roba* ‘жена, женщина’ и *ruža* ‘роза’) и чешском литературном языке (соответственно *město* ‘город’ и *moře* ‘море’, *žena* ‘жена, женщина’ и *ruža* ‘роза’), см. таблицу:

	«Опавский» язык	Чешский литературный язык	«Опавский» язык	Чешский литературный язык
Единственное число				
Им. падеж	město	město	mořo	moře
Род. падеж	města	města	mořa	moře
Дат. падеж	městu	městu	mořu	moři
Вин. падеж	město	město	mořo	moře
Зват. падеж	město	město	mořo	moře
Местн. падеж	městě	městě	mořu	moři
Творит. падеж	městem	městem	mořem	mořem
Множественное число				
Им. падеж	města	města	mořa	moře
Род. падеж	měst	měst	moři	moři
Дат. падеж	městam	městům	mořam	moři
Вин. падеж	města	města	mořa	moře
Зват. падеж	města	města	mořa	moře
Местн. падеж	městach	městech	mořach	mořích
Творит. падеж	městama	městy	mořama	moři

35 См.: *Skalička V. Opavština... S. 173.*

	«Опавский» язык	Чешский литературный язык	«Опавский» язык	Чешский литературный язык
Единственное число				
Им. падеж	roba	žena	ruža	růže
Род. падеж	roby	ženy	ruže	růže
Дат. падеж	robě	ženě	ruži	růži
Вин. падеж	robu	ženu	ružu	růži
Зват. падеж	robo	ženo	ružo	růže
Местн. падеж	robě	ženě	ruži	růži
Творит. падеж	robų	ženou	ružų	ruží
Множественное число				
Им. падеж	roby	ženy	ruže	růže
Род. падеж	rob	žen	ruži	růží
Дат. падеж	robam	ženám	ružam	růžím
Вин. падеж	roby	ženy	ruže	růže
Зват. падеж	roby	ženy	ruže	růže
Местн. падеж	robach	ženách	ružach	růžích
Творит. падеж	robama	ženami	ružama	růžemi

4.3. С другой стороны, в то время как и Я. Белич, и В. Скаличка говорят об абсолютном преобладании в говорах региона в глагольных формах 1 лица множественного числа индикатива и императива финали *-ту*³⁶, в тексте травелога такие формы, как и в литературном чешском языке, последовательно оканчиваются на *-me*, ср.: ...*Měli zme v planu, že aspoň na chvíli překročíme hranicu do tehdejší Terra incognita, dame se po pivku, prohovoříme s místním lidem o aktualni politycke situaci a podle potřeby se zase stahneme do bezpečí tehdejšího Maďarska* [...В наши планы входило на минутку пересечь границу тогдашней Терра инкогнита, выпить там пива, обсудить с местным народом актуальную политическую ситуацию, а в случае необходимости отступить в безопасную Венгрию].

5. Текст травелога насыщен характерной для региона лексикой, при этом речь может идти как о специфически силезской лексике (например, рассмотренное выше остравское *суп*), так и о лексике, общей с соседними регионами, ср. распространенное в Моравии в значении 'парень' слово *synek* (букв. «сынок»). В этом «моравском»

36 См.: *Bělič J. Nástin... S. 278–291; Skalička V. Opavština... S. 174.*

значении в травелоге данная лексема используется весьма активно (мы обнаружили 30 контекстов), ср., например: *Druhý den ráno zme se rozlučili, synci se vydali podél řeky Tisy na Tokaj a ja proti směru řeky Tisy na Beregovo* [На следующий день мы расстались: парни отправились по течению реки Тисы в Токай, а я – против течения реки Тисы в Берегово].

5.1. В тексте травелога мы обнаружили соответствия трем десяткам слов, приводимым в двенадцати поурочных словариках «Самоучителя опавского языка»³⁷, см. следующий список, в котором приводимое В. Скаличкой соответствие «слово “опавского” языка – чешский литературный эквивалент» мы снабдили переводом этого эквивалента на русский язык и числом найденных контекстов употребления этого слова в травелоге Л. Ветвички:

aji spoj.³⁸ – i ‘и’ – 52; **bečka, -y ž** – sud ‘бочка’ – 1; **buta, -ty m** – bota (vyšší) ‘ботинок’ – 4; **děprem přísl.** – teprve ‘только, лишь’ – 1; **děvu-cha, -y ž** – holka ‘девушка’ – 2; **dodóm přísl.** – domů ‘домой’ – 2; **dupa, -y ž** – zadek ‘задница’ – 4; **d’ura, -y ž** – díra ‘дыра’ – 2; **fajny příd.** – pěkný, bezvadný ‘чудесный, замечательный’ – 25; **gver, -u m** – flinta ‘винтовка’ – 1; **chalupa, -y ž** – dům, barák (obecně) ‘дом’ – 2; **chutny příd.** – pěkný, pohledný ‘красивый’ – 1; **kajsyk zajm.** – někde, někam ‘где-то, куда-то’ – 15; **kokot, -a m** – kohout ‘петух’³⁹ – 2; **koža, -e ž C** – kůže – 2; **kura, -y ž** – slepice ‘курица’⁴⁰ – 20; **kybel, -bla m C** – kbelík ‘ведро’ – 1; **kyvat,**

37 *Skalička V.* Opravština... S. 20, 32, 45, 57, 70, 83, 96, 109, 120, 135, 146–147, 161.

38 Приводимое В. Скаличкой слово «опавского» языка выделено полужирным, его же грамматические пометы к слову – курсивом. В. Скаличка использует следующие пометы (перевод на русский наш. – А. И.): *ž* – женский род; *m* – мужской род; *s* – средний род; *P* – «прусская» часть чешской Силезии; *C* – «имперская» часть чешской Силезии; *část.* – частица; *spoj.* – союз; *přísl.* – наречие; *příd.* – прилагательное; *zajm.* – местоимение; *dok.* – совершенный вид; *nedok.* – несовершенный вид; *pomn.* – pluralia tantum; *mn.* – множественное число; *expr.* – экспрессивное слово или выражение; *vulg.* – вульгаризм; *častěji* – чаще; *neskl.* – несклоняемый.

39 Слово *kokot* ‘петух’ в тексте травелога употребляется в значении ‘нехороший человек’ (через семантический сдвиг ‘петух’ → ‘мужской половой орган’, ср. англ. *cock*).

40 Слово *kura* ‘курица’ в тексте травелога употребляется 20 раз, каждый раз являясь эвфемистической звукоподражательной заменой для распостраненного в польском ареале и служащего для выражения сильных

-a/-e nedok. – mávat ‘махать’ – 2; **ogurka, -y ž** – okurka ‘огурец’ – 1; **partya, -je ž** – skupina, tým ‘группа’ – 1; **podřístat’, -a dok.** – pokecat ‘поболтать’ – 1; **pulka, -y ž** – panák (alkoholu) ‘рюмка, стопка (алкоголя)’ – 1; **pysk, -a/-u m** – ret ‘рот, губы’ – 6; **robit’, rob/rub! nedok.** – dělat, pracovat ‘делать; работать’ – 47; **švigna, -y ž** – sestra ‘сестра’ – 1; **trava, -y ž** – byliny, plevel ‘трава’ – 1; **včil přísl.** – teď ‘теперь’ – 19; **volat’, -a nedok. na keho** – volat, telefonovat (někomu) ‘звонить по телефону’ – 1; **zrobit’, -bi, zrub! dok.** – udělat – 20.

Приведенный список отнюдь не исчерпывает всей колоритной лексики, рассыпанной по тексту травелога⁴¹, описание которой представляет собой самостоятельную задачу, выходящую за рамки настоящей статьи.

6. Подводя итоги сказанному, следует отметить, что травелог Л. Ветвички “S Jarkem po sto rokach okolo Rakuska-Uherska” представляет пример удачного симбиоза южных говоров чешской Силезии, литературного чешского языка (*spisovná čeština*) и отчасти обиходно-разговорного чешского койне (*obecná čeština*). Получающийся в итоге «остравский», он же ляхский (чешско-силезский), микроязык приобретает черты динамично развивающегося образования, функционирование которого отнюдь не ограничивается устной речью. Появление в печатном виде и онлайн подобных рассмотренному ярких художественных и художественно-публицистических текстов, с одной стороны, разрушает исторически сложившуюся на территории региона диглоссию (нелитературный идиом проникает в позицию литературного), с другой – усиливает «остравский» = ляхский = чешско-силезский микроязык, который звучит в сознании читателя всякий раз, когда читаются или цитируются тексты / фрагменты текста на нем.

Источники и литература

Дуличенко А. Д. Литературная ляхтина Ондры Лысогорского в контексте западнославянских языков и в связи с литературными микроязыками современной Славии // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. М.: Наука, 1993. С. 151–161.

эмоций говорящего десубстантива *kurva* ‘падшая женщина’, ср. аналогичную замену в русском речепотреблении *бл...дь* → *блин*.

41 См.: Изотов А. И. Ляхский (чешско-силезский) микроязык в практическом учебнике и в авторском тексте травелога: лексика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 9. С. 2536–2543.

Изотов А. И. Диалект в чешском художественном тексте // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2015. № 3 (15). С. 115–126.

Изотов А. И. Чешская диалектология. М.: МАКС Пресс, 2022. 184 с. DOI: 10.29003/m3011.978-5-317-06858-5.

Изотов А. И. Ляшский (чешско-силезский) микроязык в практическом учебнике и в авторском тексте травелога: лексика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 9. С. 2536–2543.

Bělič J. *Nástin české dialektologie*. Praha: SPN, 1972. 464 s.

Bermel N. O tzv. české diglosii // *Slovo a Slovesnost*. 2010. No 1. S. 5–30.

Ferguson Ch. Diglossia // *Language and Social Structures* / ed. by Giglioli P. P. London: Penguin, 1972. P. 232–251.

Hugo J. *Slovník nespisovné češtiny*. Praha: Maxdorf s.r.o., 2009. 501 s.

Sgall P., Hronek J. *Čeština bez příkras*. Praha: H&H, 1992. 182 s.

Skalička V. *Opavština pro samouky*. Štěbořice: Matica slezská, 2017. 192 s.

Větvička L. *S Jarkem po sto letech okolo Rakuska-Uherska*. [Poruba:] Literární & cestovatelský klub Ladislava Větvičky v edici Heitzmann Production, 2019. 209 s.

References

Bělič, J. *Nástin české dialektologie*. Praha: SPN, 1972, 464 p.

Bermel, N. “O tzv. české diglosii.” *Slovo a Slovesnost*, 2010, No 1, pp. 5–30.

Dulichenko, A. D. “Literaturniaia liashchina Ondry Lysogorskogo v kontekste zapadnoslavianskikh iazykov i v sviazi s literaturnymi mikroiazykami sovremennoi Slavii.” *Slavianskoe iazykoznanie. XI Mezhdunarodnyi s'iezd slavistov*. Moscow: Nauka, 1993, pp. 151–161.

Ferguson, Ch. “Diglossia.” *Language and Social Structures*, ed. by P. P. Giglioli. London: Penguin, 1972, pp. 232–251.

Hugo, J. *Slovník nespisovné češtiny*. Praha: Maxdorf s.r.o., 2009, 501 p.

Izotov, A. I. “Dialekt v cheshskom khudozhestvennom tekste.” *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015, No 3 (15), pp. 115–126.

Izotov, A. I. *Cheshskaia dialektologiya*. Moscow: MAKS Press, 2022, 184 p. <https://doi.org/10.29003/m3011.978-5-317-06858-5>.

Izotov, A. I. “Liashskii (cheshsko-silezskii) mikroiazyk v prakticheskom uchebnike i v avtorskom tekste traveloga: leksika.” *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2023, Vol. 16, No 9, pp. 2536–2543.

Sgall, P., Hronek, J. *Čeština bez příkras*. Praha: H&H, 1992, 182 p.

Skalička, V. *Opavština pro samouky*. Štěbořice: Matica slezská, 2017, 192 p.

Větvička, L. *S Jarkem po sto letech okolo Rakuska-Uherska*. [Poruba:] Literární & cestovatelský klub Ladislava Větvičky v edici Heitzmann Production, 2019, 209 p.

“The Ostrava Language” in the travelogue narrative

Andrey I. Izotov

Doctor of Letters, associate professor, professor

Lomonosov Moscow State University

119991, 1-51 Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation

E-mail: a.i.izotov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6985-7000

Citation

Izotov A. I. “The Ostrava Language” in the travelogue narrative // *Slavic Almanac*. 2024. No 1–2. P. 185–204 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.09

Received: 13.07.2023.

Revised: 16.02.2024.

Accepted: 12.03.2024.

Abstract

The article considers the Slavic micro-language formed by the dialects of the inhabitants of Czech Silesia, which is able to form something like the diglossia with the Standard Czech language on the territory of the region. In most of the territory of the Czech Republic (the western two-thirds of its area), the Standard Czech language forms a diglossia-like relations with the so-called Common Czech language. The language of the works of the modern Ostrava blogger and writer L. Větvička represents a successful symbiosis of the southern dialects of Czech Silesia, the Standard Czech language and partly the Common Czech language. The analysis of the language of his travelogue published in 2019 led us to the conclusion, that the so-called Ostrava micro-language is a dynamically developing phenomenon, the functioning of which is by no means limited to oral speech. The appearance in print and on-line form of such literary texts destroys the diglossia that has historically developed in the region, since the non-literary idiom penetrates into the position of the literary one. On the other hand, such texts strengthen the position of the Ostrava micro-language, which sounds in the reader’s mind whenever the texts are read.

Keywords

Slavic microlanguages, Czech Silesia, Silesian language, Standard Czech, Common Czech, diglossia.